

Калачов Николай Васильевич

**О значении Кормчей в
системе древнего русского
права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
О значении Кормчей в системе древнего русского права / Калачов Николай
Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 212 с.

ISBN 978-5-519-87757-2

ISBN 978-5-519-87757-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О

ЗНАЧЕНІИ КОРМЧЕЙ

ВЪ

СИСТЕМЪ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА.

Что въ древнемъ періодѣ Русской исторіи Кормчая имѣла значеніе и силу источника права въ судахъ церковныхъ и что иногда ея руководствовалась также свѣтская власть въ своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ и при ихъ исполненіи, это не подлежитъ никакому сомнѣнію и уже не разъ было замѣчено многими изслѣдователями, хотя только мимоходомъ, неопредѣленно и почти бездоказанно¹. Между тѣмъ, если такое положеніе справедливо, то не лѣзя при настоящей разработкѣ нашей исторіи и права оставить его безъ вниманія и не опредѣлить точнѣе посредствомъ примѣненія его къ извѣстнымъ началамъ нашего древняго законодательства и подтвержденія на основаніи тѣхъ же источниковъ, которыми и оно подкрѣпляется, ибо съ перваго взгляда можно уже убѣдиться, что подобное изслѣдованіе о Кормчихъ должно объяснить новую, вовсе нетронутую, сторону юридическаго быта нашихъ предковъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько вопросовъ, любопытныхъ и важныхъ, возникаетъ само собою, какъ скоро мы предложимъ одинъ главный: какое-же значеніе и какую силу имѣли Кормчая, какъ источникъ права, въ нашей древней судебной практикѣ, канонической и свѣтской, и какое значеніе имѣетъ она теперь въ отношеніи къ тому-же времени, какъ памятникъ юридическій? — вопросъ, на который, очевидно, не лѣзя отвѣчать поспѣшно безъ предварительнаго разрѣшенія еще слѣдующихъ: въ какой формѣ или редакціи и въ какомъ содержаніи или полнотѣ

слѣдуетъ признавать Кормчую источникомъ древняго Русскаго права? на какихъ данныхъ утвердилась ея юридическая сила въ нашемъ отечествѣ и какъ могла эта сила не только окрѣпнуть, но и развиться на нашей почвѣ, или: какимъ образомъ чуждая нашимъ предкамъ догма Византійскаго права могла сдѣлаться и у нихъ не только канонѣмъ, но и живымъ, практическимъ источникомъ церковнаго и свѣтскаго судопроизводства? какъ соприкасается Кормчая, въ значеніи источника права, съ другими источниками нашего законодательства въ то или другое время и какіе результаты произошли подъ вліяніемъ этого обоюднаго воздѣйствія съ одной стороны, для самой Кормчей, съ другой для туземнаго права? Но сколько вопросовъ болѣе частныхъ предполагаетъ опять каждый изъ изчисленныхъ!... Не смотря однако на всю занимательность и важность подобныхъ изысканій, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ разнаться, что они не въ состояніи привести къ полнымъ, удовлетворительнымъ заключеніямъ безъ тѣхъ данныхъ, на которыхъ бы можно было основать довольно твердо и вѣрно тѣ или другіе выводы и которыя заключаются главнымъ образомъ въ содержаніи самихъ Кормчихъ, какъ непосредственномъ предметѣ изслѣдованій; и потому, рѣшаясь сказать нѣсколько словъ о значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права, я имѣю при этомъ единственною цѣлью показать, какъ необходимо для нашихъ историковъ и юристовъ подробное обозрѣніе отечественныхъ Кормчихъ и какъ важно было бы изданіе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ оригинальныхъ и переводныхъ статей этого драгоценнаго памятника — трудъ, какъ извѣстно, уже начатый незабвеннымъ барономъ Розенкампомъ, но, къ сожалѣнію, еще далеко не оконченный и ожидающій новыхъ усердныхъ дѣлателей.

Прежде нежели я буду говорить о собственномъ предметѣ настоящей статьи, постараюсь опредѣлить въ краткомъ обзорѣ юридическое значеніе духовенства въ Россіи и отношенія его къ свѣтской власти въ періодъ до Петра Великаго: это пояснить намъ характеръ и содержаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическое значеніе Кормчихъ, писанныхъ въ нашемъ отечествѣ.

Введеніе у насъ христіанской вѣры, заимствованной изъ Византіи, соединяется съ призваніемъ оттуда-же духовенства, которое должно было насадить и утвердить эту вѣру въ обширныхъ

уже предълахъ тогдашней Россіи. Такимъ образомъ пастыри Греческой Церкви, вмѣстѣ съ своими учениками изъ Болгаръ, съ самаго начала являются къ намъ въ довольно значительномъ количествѣ и образуютъ особое сословіе, увеличивающееся постепенно съ присоединеніемъ къ нимъ мало по малу новыхъ органовъ Церкви изъ числа туземныхъ жителей, ими воспитанныхъ и наученныхъ правиламъ вѣры. Это сословіе резко отличается отъ всѣхъ прочихъ сословій древней Руси и стоитъ высоко надъ ними. Возросшее въ догматахъ Византійской Церкви, утвержденныхъ неподвижно канонами Св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и Св. Отцевъ, высоко образованное и основательно изучившее свѣтское подробно развитое право своего первобытнаго отечества въ той степени, какъ это было ему нужно для отношеній его къ гражданской власти, оно естественно должно было принести съ собою къ нашимъ предкамъ глубокое сознаніе о своихъ достоинствахъ и твердую волю неизмѣнно содержать и въ нашемъ отечествѣ свои уставы, а потому и развивать ихъ въ томъ же духѣ и сообразно Византійскому праву, которымъ оно было напитано. Но при этомъ возрѣніи, чтó встрѣтило оно въ томъ народѣ, въ той странѣ, гдѣ ему суждено было отнынѣ жить и дѣйствовать? Не болѣе, какъ самыя сомнительныя начатки гражданственности: въ сферѣ государственной верховную власть, связанную съ подданными едва замѣтными, почти временными, узами подчиненія, за исключеніемъ дружинъ и городовъ, болѣе близкихъ къ Князьямъ; въ сферѣ частной — быть родовой, въ которомъ еще не знаютъ ни отдѣльной недвижимой собственности, ни завѣщанія, ни наслѣдства въ настоящемъ его значеніи; въ сферѣ уголовной — кровную месть, еще господствующую во всей силѣ и отвергающую всякое понятіе о возмездіи со стороны верховной власти. Очевидно, что на такое положеніе вещей пришлое образованное духовенство должно было смотрѣть съ внутреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ и такимъ образомъ даже считать обязанностію своей совѣсти внушать Великимъ Князьямъ, которые старались объ утвержденіи христіанской вѣры въ своихъ областяхъ, о внесеніи новыхъ началъ въ бытъ государственный, гражданскій и уголовный; самымъ же лучшимъ для того средствомъ оно должно было конечно признать то, чтобъ познакомить ихъ съ постановленіями и юридическимъ бытомъ своего прежняго отечества — Византійской Имперіи. Обстоятельства помогли ему

совершить это дѣло. Извѣстно, какое глубокое, живое и теплое сочувствіе возбуждаетъ христіанская вѣра въ душахъ новообращенныхъ язычниковъ, съ какимъ пламеннымъ рвеніемъ они готовы посвятить себя и свое имущество на служеніе одному Богу, съ какою охотою всѣ свои предпріятія и дѣйствія подчиняютъ высокому духу смиренія и благодати, оживотворяющему истинную религію. Св. Владиміръ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался христіаниномъ, пересталъ казнить разбойниковъ, „ибо, говорилъ онъ, боюсь грѣха“. Но еще другое событіе, въ высшей степени важное для нашего отечества, является въ тоже самое время въ подкрѣпленіе духовенства. Это развитіе дома Ярославъ Великаго сначала въ семейство, а потомъ въ родъ, причемъ всѣ члены рода удерживаютъ большія или меньшія права на достояніе своего общаго предка. Не смотря однако на то, что всѣ они находятся въ общемъ родственномъ союзѣ между собою, что всѣ они составляютъ одно цѣлое въ отношеніи къ землѣ и подданнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ въ томъ и другомъ случаѣ проявляетъ и личную самостоятельность, ибо въ свою очередь самъ дѣлается отцемъ семейства, а въ послѣдствіи и родоначальникомъ; на этомъ основаніи извѣстными линіи получаютъ нѣкоторыя опредѣленные области съ названіемъ *отчины* и слѣдоват. какъ бы въ постоянную собственность, которую нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно удерживаютъ за собою до самаго уничтоженія родоваго быта въ домѣ Ярославъ Великаго силою возникшихъ вновь государственныхъ отношеній. Такимъ образомъ, каждый отдѣльный Князь, какъ скоро онъ истинно проникнутъ всеобъемлющимъ духомъ христіанской вѣры, стремится отдѣльно къ осуществленію великой цѣли—вполнѣ утвердить ее въ своей области, а въ слѣдствіе этого весьма естественно приходитъ въ ближайшее соотношеніе съ ея органами—духовенствомъ, и вліяніемъ его болѣе или менѣе сознательно пользуется для улучшенія юридическаго быта своихъ подданныхъ, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ примѣненіи ихъ отношеній къ своей власти. Таковы именно были: Святославъ Ярославичъ, сынъ его Глѣбъ и племянникъ Ярополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ, сынъ его Ярополкъ, Андрей Боголюбскій и множество другихъ. И вотъ, при такомъ общемъ стремленіи всѣхъ Князей древней Руси, согласныхъ между собою или враждующихъ, быстро, на всемъ ея пространствѣ, осуществляются одни и тѣже явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степень одного изъ важнѣйшихъ органовъ юридиче-

ской дѣятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой дѣятельности передаютъ не только современному законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе нашего отечества до настоящаго времени.

Чтобъ лучше объяснить такое юридическое значеніе духовенства мы рассмотримъ съ одной стороны права, которыми оно пользовалось въ древней Россіи, преимущественно въ отношеніи къ судопроизводству, а съ другой — источники, которыми оно руководствовалось при осуществленіи этихъ правъ. Отсюда уже не трудно будетъ понять, какое именно вліяніе имѣло духовенство, какъ посредствомъ своей личной дѣятельности, такъ и посредствомъ своихъ *источниковъ* (*fontes juris canonici*) на свѣтское законодательство Россіи, и слѣдоват. какое было значеніе въ этой-же сферѣ одного изъ важнѣйшихъ собраній такихъ источниковъ, извѣстнаго подъ именемъ *Кормчей*.

Глубокое сочувствіе нашихъ первыхъ Князей къ проповѣдникамъ христіанской вѣры и общее религіозное направленіе, кромѣ внѣшнихъ знаковъ отличнаго уваженія, доставляли часто духовенству не только возможность, но и право быть посредникомъ въ ихъ ссорахъ и распрахъ ², участвовать въ ихъ думахъ и совѣщаніяхъ, лично и письменно съ ними бесѣдовать о устройствѣ Государства и его управленіи, словомъ обо всѣхъ дѣлахъ общественныхъ ³, и въ этой бесѣдѣ не только выхвалять Князя за его добродѣтели, но также порицать за пороки и даже сплюю духовной власти связывать душу виновныхъ, отлучая ихъ отъ Церкви ⁴. Но важнѣйшимъ правомъ въ сферѣ внѣшнихъ юридическихъ отношеній было, безъ сомнѣнія, право, которое получило духовенство владѣть не только богатою движимостью, не только десятинами отъ Княжескихъ доходовъ, но и недвижимою собственностью, населенными и ненаселенными землями, со всѣми угодьями, притомъ владѣть ими въ значеніи *отчинниковъ*, съ предоставленіемъ сверхъ того множества привилегій, какія изъ прочихъ подданныхъ давались весьма немногимъ, а для духовенства мало по малу сдѣлались почти общимъ правиломъ ⁵. Обозрѣвая только изданные матеріалы нашей древней исторіи, мы не можемъ не удивляться тому огромному количеству относящихся къ духовенству грамотъ, жалованныхъ и несудимыхъ, вкладныхъ и тарханныхъ, которыя наполняютъ въ изобиліи всѣ извѣстныя собранія отечественныхъ актовъ и своею массою рѣшительно подавляютъ всѣ другіе источники. Но сколько такихъ памятниковъ

хранится еще сверхъ того въ разныхъ архивахъ , сколько разсѣяно по монастырямъ и церквамъ и сколько находится ихъ въ рукахъ у частныхъ владѣльцевъ? ⁶ Слѣдовательно не лѣзя вполнѣ изчислить, какимъ именно количествомъ недвижимыхъ имѣній владѣло пздревле Русское духовенство; но довольно извѣстно, что такихъ имѣній было несравненно болѣе, нежели земель, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, ибо не только Князья, но и подданные ихъ, увлекаясь релігіознымъ настроеніемъ духа, въ особенности при концѣ жизни, обыкновенно давали въ монастыри и церкви богатѣйшіе вклады населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній для вѣчнаго поминовенія души своей и своихъ родителей. Въ этихъ отчинахъ духовенство имѣло всѣ права привилегированныхъ владѣльцевъ : оно ими завѣдывало и управляло, собирало съ нихъ оброки и поземельные доходы , а въ случаѣ возникавшихъ между жителями ссоръ и преступленій, имѣло право суда, которое на основаніи большей части жалованныхъ грамотъ давалось ему вполнѣ, за исключеніемъ *душегубства* , *татибы* и *разбоя* , предоставлявшихся только весьма немногимъ изъ привилегированныхъ лицъ и чрезвычайно рѣдко ⁷. До насъ дошло значительное число наказовъ , данныхъ монастырями и духовными властями приказщикамъ, которые управляли ихъ отчинами ⁸; дошло нѣсколько уставныхъ и правыхъ грамотъ, объясняющихъ намъ порядокъ и правила, на основаніи коихъ духовенство производило въ этомъ случаѣ свой судъ и расправу; дошли наконецъ многіе акты съ опредѣленіемъ судебныхъ пошлинъ, какія взимали церковные десятинники съ истца и отвѣтчика ⁹. Изъ этихъ документовъ видно, что духовенство дѣйствовало здѣсь точно также, какъ и свѣтская власть, подчиняясь вполнѣ издаваемымъ ею постановленіямъ ¹⁰. У него, какъ и у верховной власти, есть свои бояре и боярскіе дѣти, свои волостели и тѣуны; оно руководствуется Судебниками Іоанна III и Іоанна IV, а въ Литвѣ Судебникомъ Казимира IV и Литовскимъ Статутомъ; въ послѣдствіи же Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича и статьями новоуказными; наконецъ относительно взыманія пошлинъ вполнѣ согласуется съ нововведеніями и улучшеніями, какія проявляются въ новѣйшихъ узаконеніяхъ; ¹¹ словомъ, въ этомъ смыслѣ духовенство знаетъ свѣтскія постановленія не хуже властей свѣтскихъ и съ такою же бдительностію слѣдитъ за новыми источниками свѣтскаго законодательства, съ какою хранитъ неизмѣнно свои каноны. Но иначе и не могло

быть : духовенство должно было дорожить постановленіями верховной власти, ибо отъ нея получило оно свои права, и она же можетъ ихъ опять уничтожить. Вотъ почему при каждой смѣнѣ Князя или Царя монастыри и церкви, равно какъ духовныя физическія лица, требуютъ отъ его преемника подтвержденія своихъ жалованныхъ грамотъ и привилегій, опасаясь, что въ противномъ случаѣ изложенныя въ нихъ права не будутъ признаваемы правителями новаго Государя ¹². Духовенству необходимо знать всѣ уставы, относящіяся до поземельныхъ повинностей и до разныхъ сборовъ, ибо въ противномъ случаѣ оно легко можетъ подвергнуться притѣсненіямъ, съ одной стороны отъ воеводъ и намѣстниковъ, а съ другой отъ мытниковъ и таможенниковъ, Княжескихъ и Царскихъ. Далѣе, оно должно знать подробно гражданскіе судебные законы, ибо, въ противномъ случаѣ, въ тяжбахъ, возникающихъ между подчиненными духовенству и сторонними лицами, гдѣ судъ смѣсный производится органами тѣхъ и другихъ, оно не будетъ уметь охранить интересовъ своей партіи ¹³. Наконецъ, оно должно знать и уголовные законы, ибо иначе ему не будутъ извѣстны предѣлы, до которыхъ въ данныхъ случаяхъ можетъ простираться его юрисдикція, такъ какъ оно не имѣетъ права судить дѣла, касающіяся до душегубства, татѣбы и разбоя ¹⁴. Но съ другой стороны не менѣе было важно для духовенства помнить свѣтскія узаконенія, когда верховная власть стала ограничивать отчинныя его права, издавая съ этою цѣлью отдѣльныя постановленія или общія грамоты, которыя тѣмъ самымъ исключали предоставленныя духовенству льготы. То и другое начинается уже со временъ Іоанна III ¹⁵, продолжается въ царствованіе Іоанна IV ¹⁶, но съ болѣею силою проявляется въ царствованіе Алексѣя Михайловича и Феодора Алексѣевича ¹⁷; почему въ подтвержденіяхъ послѣдними грамотъ, жалованныхъ предками ихъ монастырямъ, церквамъ и вообще духовенству, мы встрѣчаемъ нерѣдко слѣдующее замѣчательное прибавленіе : „опричь тѣхъ статей, которыя отставлены по соборному Уложенію и послѣ соборнаго Уложенія въ нашихъ уставныхъ грамотѣхъ и въ новыхъ указѣхъ ¹⁸.“ Такимъ образомъ духовенство, рядомъ съ постановленіями каноническаго права, иногда вноситъ въ свои сборники также свѣтскіе законы. Конечно, не лзя не согласиться, что часто такія статьи имѣютъ въ нихъ характеръ и значеніе памѣтниковъ по преимуществу литературныхъ; но на основаніи

сказаннаго выше, безъ сомнѣнія, никто не будетъ отрицать, что на свѣтскія узаконенія, имѣвшія практическое значеніе въ нашемъ древнемъ правѣ, должно съ этой же самой точки смотрѣть и въ томъ случаѣ, если они включены въ какой нибудь сборникъ, назначенный для канонической практики. Поэтому весьма справедливо поступаютъ наши ученые, которые при изданіи древнихъ юридическихъ памятниковъ обращаютъ вниманіе и на этотъ источникъ. Скажу еще болѣе: руководствуясь такимъ воззрѣніемъ, они уже не разъ находили здѣсь узаконенія свѣтской власти, которыя иначе остались бы конечно въ неизвѣстности ¹⁹. И такъ заключаю: изученіе сборниковъ каноническихъ не только полезно, но и необходимо для того, чтобъ вполне узнать и изчерпать источники нашего древняго свѣтскаго законодательства.

Кромѣ этой столь обширной сферы юридической дѣятельности, духовенство имѣло, по собственному своему значенію, еще другую, съ одной стороны, по числу подчиненныхъ ей лицъ, еще болѣе обширную, но за то болѣе тѣсную и опредѣленную по предметамъ юрисдикціи. Я говорю о *судахъ духовныхъ*. Главныя начала для утвержденія своего права въ этой сферѣ оно принесло уже съ собою изъ Византіи вмѣстѣ съ Номоканономъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ изчислены какъ предметы духовнаго вѣдомства, такъ и права и обязанности въ отношеніи къ нимъ духовенства ²⁰. Но въ Россіи тѣ и другія получили необходимое приращеніе въ слѣдствіе мѣстнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, при грубомъ, чувственномъ бытѣ язычника, который духовенство застало у нашихъ предковъ, невозможно было во многихъ случаяхъ примѣнить къ нимъ постановленія Византійской Церкви и Императоровъ, если эти постановленія не должны были оставаться совершенно безплодными. Въ то же самое время, такъ какъ отношенія государственныхъ и гражданскіхъ почти вовсе не были еще сознаваемы при такомъ бытѣ, духовенство не могло бы исполнять и тѣхъ обязанностей, которыя на немъ лежали на основаніи Номоканона, если бъ не позаботилось о расширеніи круга своей дѣятельности для включенія въ него нѣкоторыхъ правъ, какихъ не имѣло въ первобытномъ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, утвержденіе со стороны верховной власти церковной десятины, введеніе денежныхъ пеней въ пользу духовенства за преступленія духовныя, участіе въ раздѣлѣ имущества послѣ умершаго между его родственниками, все это были такія права, которыя духовенство

получило въ Россіи вновь въ слѣдствіе мѣстнаго развитія своихъ основныхъ правъ и преимуществъ. Однако, только рядомъ долговременныхъ усилій удалось ему достигнуть своей трудной задачи—поставить народъ, подчиненный ему въ духовномъ отношеніи, въ уровень источниковъ, на основаніи которыхъ оно должно было дѣйствовать. Выше я уже замѣтилъ, что для лучшаго достиженія своей цѣли, духовенству было всего выгоднѣе ознакомить Великихъ Князей съ самимъ законодательствомъ Византійской Имперіи и убѣждать ихъ объ утвержденіи тѣхъ или другихъ необходимыхъ постановленій и въ Россіи. Такъ и дѣйствовало оно въ нѣкоторыхъ, именно извѣстныхъ намъ, случаяхъ²¹. Но возможно ли было такъ круто измѣнить родовой, неустроенный бытъ на государственный, уничтожить вѣковыя понятія, которыя развились сами собою, путемъ естественнымъ, и слѣдов. могли также вполне искорениться не иначе, какъ путемъ народнаго сознанія и убѣжденія. Мы знаемъ дѣйствительно, что нѣкоторыя попытки были предприняты съ цѣлью ввести вдругъ новый порядокъ вещей и что онѣ не удались, по крайней мѣрѣ привились не скоро, и напротивъ еще долго жили на ряду съ старымъ бытомъ. Такимъ образомъ въ нашемъ древнемъ законодательствѣ, съ одной стороны, въ слѣдствіе установленія въ теоріи узаконеній Византійскихъ, а съ другой, въ слѣдствіе удержанія на практикѣ прежнихъ народныхъ обычаевъ, является замѣчательная двойственность, которая невольно проглядываетъ во всѣхъ источникахъ до самаго Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. Этой двойственности не чужды даже и тѣ узаконенія, которыя издавались при содѣйствіи духовенства, ибо, повторяю, оно было не въ силахъ сломить вдругъ всѣ обычаи, глубоко укорененные вѣками, и напротивъ, только постепенно достигало своей цѣли. Такъ, на примѣръ, кровная месть, многоженство, брачныя союзы въ близкихъ степеняхъ родства, судебныя поединки (*поле*), мѣстничество, все это было строго запрещаемо, преслѣдуемо или, по крайней мѣрѣ, порицаемо духовенствомъ, но удерживалось упорно вмѣстѣ съ тѣмъ духомъ язычества, который еще доселѣ носится надъ нами, заставляя простомодниковъ вѣрить въ различныхъ духовъ и волшебниковъ, или въ завѣтные дѣи совершать обряды, освященные незапамятною древностію²². По этому въ высшей степени трудно рѣшить, какое значеніе на практикѣ и съ какого именно времени получили и у насъ тотъ, или другой источникъ Византійскаго права; но что, наконецъ, всѣ

тъ изъ нихъ , которые встрѣчаются въ нашей древней письменности въ бѣльшей, или меньшей степени, имѣли такое значеніе, видно изъ того , что мѣстами они измѣнены противъ подлинниковъ, часто дополнены цѣлыми статьями, очевидно, Русскими, что на основаніи ихъ дѣйствительно рѣшены нѣкоторые практическіе случаи и что, наконецъ, они перешли въ полномъ своемъ составѣ; или въ отрывкахъ, сначала въ рукописныхъ, а потомъ и въ печатныхъ, собраніяхъ, составленныхъ офиціально , подѣ вліяніемъ Правительства ²³. Таковы въ особенности Кормчія книги. Слѣдоват., въ послѣднемъ случаѣ источники Византійскаго права могутъ быть несомнѣнно названы также источниками и въ примѣненіи къ древнему законодательству нашего отечества, а съ другой стороны памятниками юридическими относительно настоящаго времени. Но для того, чтобъ ихъ вполнѣ понять и оцѣнить, необходимо подвергнуть ихъ самому тщательному сличенію съ памятниками туземнаго права. Тогда только будемъ мы въ состояніи говорить объ нихъ подробнѣе и опредѣленнѣе.

Останавливаясь на источникахъ духовнаго судопроизводства, мы замѣчаемъ , что въ этой сферѣ духовенство дѣйствовало прежде всего на основаніи Номоканона. Здѣсь правила Апостольскія, опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и постановленія Отцевъ Церкви, которыя оно признаетъ неизмѣнными для себя догмами и которымъ подчиняетъ все свои дѣйствія. Но здѣсь-же встрѣчаются и постановленія Византійскихъ Императоровъ, подѣ вліяніемъ коихъ Церковь получила мѣстное развитіе и утвердилась на почвѣ древней Греціи. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ каноны недостаточны , духовенство руководствуется этими узаконеніями ; но также не рѣдко оно подкрѣпляетъ ими и первые ²⁴. Въ древней Россіи тотъ и другой источникъ, припесенный извнѣ, восполняется еще мѣстными. Такихъ источниковъ также два главныхъ рода: соборы съ правилами Отцевъ Церкви и уставы или узаконенія Великихъ Князей , а впослѣдствіи Царей. Первые раздѣляются опять на соборы общіе и слѣдов. обязательные для всей Россіи, и на соборы мѣстные. Если соборъ созываетъ Митрополитъ Кіевскій, Владимірскій, Московскій, а со времени учрежденія Патріаршества Патріархъ; еще болѣе, если въ немъ принимаетъ участіе самъ В. Князь, или Царь, то онъ, конечно, если только касается до устройства и управленія церковнаго вообще, обязателенъ для всѣхъ областей, подчиненныхъ вѣдѣнію Митрополита, или Патріарха.